

ТАКТ

Вчера и сегодня в «Октябрьском» — представление книги Марины Влади «Владимир, или Прерванный полет» с участием автора. Вчера же днем Марина Влади была гостьей Дома актера.

Конечно, аплодисменты...

— Меня всегда спрашивают, почему я начала писать эту книгу. Ответ я невозможно отработала за все эти встречи... Я надеялась, что после смерти Володи все его стихи очень быстро напечатают. Однако выпустили «Нерв» и — тишина. Но зато все стали давать свидетельства, выступать со сцены... И возникал образ очень милого, хорошего панишки-мальчика, который никогда не кричал, не возмущался, никогда не пил... А прото, что умер в сорок два, не было ни слова. И я решила поставить этот вопрос и написать, кто его измучил. Конечно, бюрократия. Он боролся с ватной стеной, которая не имеет лица и которая отказывала ему в праве чувствовать себя поэтом. А я видела любовь к нему людей... Контраст был разительный: он знал, что любим, но был никем...

Так, чуть-чуть временами неправильно, негладко по-русски, начала Марина (слушаешь и думаешь: «Марина Владимировна» все же не идет всемирно известной актрисе, а для «мадам Влади» она, жена Высоцкого, слишком дорога и близка нам... В песнях его наречена — Мариною; некоторая родственная фамильярность — привычка среди актеров...). Ей помогала совсем молодая Юлия Абдулова, переводчица книги, услышавшая, наверно, не в первый раз похвалы и благодарность...

Итак, изредка пауза для поиска слова, и произношение, и веер — жарко, осветительные приборы, и записки с вопросами. Искренние ответы. Волнение нескрываяемо. И места здесь нет, чтобы полтора часа разговора да дословно, потому — «конспект».

— О Ленинграде я много рассказывала в первой книжке, которую мы с сестрами наговаривали журналистике. — Это город моей мамы... И еще раз я уже не могла... Понимаете, самое трудное — описывать счастливые моменты. Как описать счастье?

— В Париже сейчас готовится очень серьезный перевод его стихов, в лучшем издательстве. Книга выйдет в апреле. Это значит, что он интересен не только как певец и актер... Михаил Шемякин выпускает три книги стихов Володи. Деньги от продажи — на поддержку советских военнопленных в Афганистане.

— Отыски из моей книги, что вы читали в прессе, очень плохо. Тенденциозные сокращения. Хотела подать в суд, но пресса имеет право по закону брать вышедшую книгу, переводить...

— Меня спрашивают, кто друзья, кто враги. Я не буду делать списки. Я не исследователь. Копаться в этом не надо.

— Из вашей книги кажется, что вы сейчас любите его еще больше...

— Больше невозможно. Так же.

— «Прерванный полет» — так мы вместе называли одну песню. И первый посмерт-

ный альбом в Париже, куда вошли двадцать две песни, которые Володя сам здесь записал, я назвала так же... Я не хотела, чтобы люди думали о книге: сувенир антрисы, вот будет рассказывать о сьемках (я имею достаточную популярность во Франции). Было много вариантов названия, но самое точное — это...

— Я не видела фильм Рязанова о Володе. Но каждый может сказать свое и выразить свое. Демократия есть именно это.

— Бродский дал Володе название поэта, когда они встретились в Нью-Йорке. Дружба с ним дала многое. Сейчас он пишет предисловие к книге, которая выйдет в Париже.

— Я пять лет боролась против этого ужаса... этого соцреализма. Это олицетворение всего, что он ненавидел. Даже пошла к людям, которые занимаются памятниками в Москве, и сказала: что вы ставите ему памятник как Ге-

рою Советского Союза? Он ведь им не был... Я хотела кусок метеорита на землю положить — чудом упавший кусок звезды. Это как его жизнь? — Умер от тоски? Чтобы такой человек умер в сорок два года — нужно было очень много причин. И тоска, конечно.

Были и другие вопросы. Среди них — о той мере откровенности, непривычной для нас, с которой написана книга. Марина Влади ответила: «Сердце подсказывает — что можно, а что нельзя...». Помоему, исчерпывающе.

Вчера книгу не продавали. Из газет известно, что Марина оставила за издательством «Прогресс» безвозмездное право допечатывать к первоначальному тиражу — 650 тысяч экземпляров — сколько

угодно книг. В Москве представители издательства сказали, что она выйдет более чем миллионным тиражом. Часть полученных денег — на создание музея Владимира Высоцкого...

А потом показали фильм Петра Солдатенкова «Я не люблю...», посвященный Высоцкому, но рассказывающий о нас. Все, против чего протестовала Марина — от создания образа национального героя до создания памятника на могиле, — всё есть в картине. Смотреть ее горько и стыдно. Достоинство и пошлость — вот ее тема. Обескураживающе ясно одно: как не уметь ценить поэта, так не научились чтить его память. (Еще одно доказательство поваральной бестактности: сюжет о встрече в Доме актера, поставленный во вчерашних «500 секундах» сразу после сюжета об «уникальной выставке эскизов унитазов». Простите, Марина, нас...).

Память — на продажу. Кто-то участвует и потакает, кто-то бунтует. Но есть вещи, о которых не говорят, не надо бы говорить — по крайней мере до тех пор, пока не найдешь слово — равновеликое. Ибо само это говорение, стремительно умножаясь, становится кощунственным.

До рождения на земле нашей нового гения, нового Поэта время у нас еще есть. Постараемся употребить его во благо — покинем «манежи и арены»... Магнитофон. Голос. И, быть может, скоро — книга. Книги.

Ольга ШЕРВУД

Фото А. ДЕМЬЯНЧУКА